

ОТКЛИКИ ПЕЧАТИ.

„Надежды и разочарованія“.

Возобновленіе занятій предсоборной комиссіи заставило повремениую печать наряду съ пытливыми надеждами на будущее бросить еще разъ ретроспективные взгляды на отходящее въ область исторіи прошлое нашей Синодальной церкви. Мрачны эти взгляды.

„Церковь“, — читаемъ въ Тамбовск. Епар. Вѣдом., — „въ значительной степени скомпрометировала себя въ общественномъ мнѣніи союзомъ съ господствующей формой государственности и тою чисто полицейскою ролью, которую навязывало ей правительство. Припоминая то, какъ представительная учащая церковь стояла у насъ въ Россіи на сторонѣ силы, какъ она оправдывала крѣпостное право и смертную казнь, какъ благословляла братоубійственныя войны, современное интеллигентное общество полагаетъ, что отъ церковнаго вліянія нельзя ожидать ничего хорошаго“. (№ 43, стр. 1916).

Близко къ этому по другому, болѣе частному, поводу рассуждаетъ и г. А. А. Соколовъ, авторъ брошюры: „Отношеніе церковной власти къ свободѣ совѣсти и слова въ XIX вѣкѣ“. (Астрахань. 1906).

„Всегда зависящее отъ мірской власти, то подавляемое, обезличиваемое ею, то пользующееся сравнительной свободой въ своихъ административныхъ дѣйствіяхъ, русское духовенство и вѣротерпимость свою проявляло не одинаково въ разные періоды одного и того же столѣтія.

Само по себѣ доброе и благодушное, какъ всѣ русскіе люди, оно дѣлалось суровымъ, болѣе строгимъ къ другимъ

исповѣданіямъ и къ свободному слову, если такого именно отношенія къ свободѣ требовала мірская власть; мѣнялись взгляды у свѣтскаго правительства, либеральнѣе, миролюбивѣе становилось и церковное начальство. Св. Синодъ, поставленный въ зависимость отъ государства и подъ контроль государственныхъ чиновниковъ, въ лучшемъ случаѣ долженъ былъ прислушиваться къ желаніямъ государей и къ мнѣніямъ оберъ-прокурора, министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ; случалось иногда ему совѣсть даже терять свою самостоятельность и быть только орудіемъ, проводникомъ въ жизнь русскаго общества идей свѣтскихъ администраторовъ.

Поэтому, вслѣдствіе вліянія мірскаго элемента, едва ли не главнаго фактора въ синодальной средѣ, отношеніе церковной власти къ свободѣ совѣсти и слова у насъ отличается непостоянствомъ, частой измѣнчивостію, хотя въ общемъ на протяженіи почти всего столѣтія доминируетъ нота нетерпимости“. (Стр. 10).

Главный корень зла,—по признанію печати всѣхъ лагерей,—въ оберъ-прокуратурѣ, въ этомъ неудачномъ „кѣиторствѣ“ Русской церкви. За уничтоженіе ея стоятъ даже самыя „благонамѣренныя“ органы печати. „Свѣтъ“ настойчиво повторяетъ: „Старый нашъ синодальный церковный строй разоблаченъ вполне и сталъ невозможенъ... Синодальное управление Россійской церкви, въ его теперешнемъ видѣ, отжило свое время.

Даже для временнаго продолженія управления церковью черезъ Синодъ необходимо обновленіе его и превращеніе изъ коллегіи назначенныхъ властію лицъ—въ духовный соборъ изъ выборныхъ самими епископами лицъ, съ усиленіемъ его состава изъ среды блага духовенства, съ уничтоженіемъ оберъ-прокурорскаго надзора и прекращеніемъ консисторскаго режима, посредствомъ котораго править церковью не духовной соборъ, а оберъ-прокуроръ“. (№ 288).

Новое Время освѣщаетъ еще болѣе „неудачный опытъ оберъ-прокуратуры“. „Кѣиторство выразилось фактически въ умерщвленіи всей самостоятельности духовенства, самостоятельности личности его. Наступила дѣйствительно летаргія церкви: при множествѣ дѣлъ церковныхъ, сосредоточившихся въ рукахъ оберъ-прокурора, которыхъ онъ

исполнить рѣшительно не въ силахъ ни при какомъ стараніи. Отсюда эта затаенность и лежалый характеръ всѣхъ дѣлъ церковныхъ, и то, что духовное вѣдомство вообще стало примѣромъ застоя и устоемъ консерватизма для всей прочей жизни.

Просто, дѣла такъ много въ рукахъ одного, что они поневолѣ текутъ медленно, ползаетъ каждое „дѣло“ годы. А оберъ-прокуроры несчастнымъ образомъ, и какъ бы увлекаемые какимъ то рокомъ все болѣе и болѣе концентрировали въ однѣхъ собственныхъ рукахъ и въ рукахъ выслуживающихся около нихъ господъ всѣ мельчайшія нити церковной дѣятельности: не только они назначаютъ профессоровъ и учителей въ академіи и семинаріи, но наконецъ посылаютъ свѣтскихъ людей миссіонерствовать. Рѣшительно они взяли весь апостольскій трудъ себѣ, и вотъ только что только не благословляютъ въ путь“... (№ 11022) „Совершенно непостижимымъ образомъ синодальные оберъ-прокуроры... совершенно изъяли у церкви право самопополненія, изъяли у нея право выдвигать тѣхъ или иныхъ сильныхъ, яркихъ и даровитыхъ лицъ на служеніе себѣ и взяли въ свои руки въ свое личное усмотрѣніе назначеніе всѣхъ епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ. Разумѣется, простенькій декорумъ при этомъ былъ соблюденъ: оберъ-прокуроръ не самъ, своими руками, за церковною службою хиротонисалъ вновь посвящаемога епископа и не передъ оберъ-прокуроромъ посвящаемый читалъ исповѣданіе вѣры. Церемоніи были оставлены самой церкви, но она ихъ совершала мертвыми руками и какъ мертвое дѣло, связанная и связанно. Самое то главное: *надъ кѣмъ* совершить церемонію, опредѣлялъ оберъ-прокуроръ, и безъ его вѣдома и позволенія не получалъ епископства ни одинъ архимандритъ, митрополитъ—ни одинъ епископъ. Да мало сказать: „безъ вѣдома“, „съ позволенія“. Онъ указывалъ, указавъ—приказывалъ совершить церемонію; а ужъ митрополиты и сонмъ епископовъ „чинили по уставу“. Какимъ образомъ человекъ такого ума, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, не видѣлъ, что чрезъ это вся наша монашеская іерархія превращалась изъ служителей церкви въ личныхъ прислужниковъ его. Побѣдоносцева, почти въ личный штатъ его маленькаго „духовнаго двора“, нельзя понять. Отъ кого завишу, тому и служу: такая это очевид-

ная аксіома; кѣмъ назначенъ, тому и благодаренъ, кто меня можетъ смѣстить, тому и угождаю, льщу до польскаго „падамъ до ногъ“: неужели эти триизмы всяческой рѣшительно службы не были извѣстны справившему свой 50-лѣтній юбилей государственной службы мужу и автору политически-руководственнаго „Московскаго Сборника“? Непостижимо. И непостижимо, какимъ образомъ онъ не видѣлъ, что обращенные почти въ личный штатъ оберъ-прокурора епископы, архіепископы и митрополиты несутъ уже только имя и тѣнь своего сана, потерявъ всё существо его, что они, угождающіе не Христу, а человѣку, являются измѣнниками съ перваго же шага службы, и даже за дни и недѣли предъ нею, ибо и самую эту торжественную хиротонію они покупаютъ цѣною обѣщанія и готовностью во всемъ повиноваться и слушаться человѣка, забывъ или почти забывъ Бога, чтя Его лишь устами, а не сердцемъ и дѣломъ... Все это молчаливое предательство своего дѣла должно было внести въ души русскихъ архіереевъ такую муку, поселить въ нихъ такой безмолвный адъ, о какомъ мы очень мало знаемъ, хотя не одинъ разъ этотъ крикъ и прорывался у насъ даже въ прежней подавленной печати. Таковы были посмертныя „Записки изъ исторіи ученаго монашества“ архіепископа Одесскаго Никанора и „Книга бытія моего“, еп. Порфирія Успенскаго, называвшаго Синодъ и всю систему синодальнаго управленія „незаконнорожденнымъ дѣтищемъ церкви“. Но эти два говорили и то посмертно; прочіе молчали. И оберъ-прокуроръ былъ слишкомъ хорошо вооруженъ правомъ „отослать на покой“ всякаго архіерея, чтобы могъ, опасаться какихъ-нибудь лѣвыхъ голосовъ въ нашей церкви. Договоримъ о легальномъ декорумѣ: при всякой вновь открывающейся епископской вакансіи „составлялся списокъ изъ трехъ кандидатовъ и подвергался на благовозрѣніе Государя“. Если бы была здѣсь правда, ну безъ всякой хиротоніи и „трехъ кандидатовъ повергаемыхъ“, оберъ-прокуроръ просто бумагою за своимъ подписомъ возводилъ бы и низводилъ архіереевъ, раздавалъ бы епархіи монахамъ. Но этого не было. Почему? Потому, что эта неправда, возмутившая бы народъ и воочію показавшая бы ему всю церковь поверженною во прахъ. А по существу и на дѣлѣ именно это и было.

Вотъ отчего со времени уже Филарета, Митрополита Московскаго, перечившаго иногда оберъ-прокурору Протасову, у насъ уже не было на верхахъ духовной іерархіи и видныхъ умовъ и сильныхъ характеровъ. Выдвигались просто люди, умѣвшіе хорошо править архіерейскую службу: безъ общегосударственнаго, общенациональнаго, общецерковнаго круга зрѣнія. Такіе были удобнѣе въ качествѣ вторыхъ и третьихъ чиновъ оберъ-прокурорскаго двора, правыхъ и лѣвыхъ рукъ оберъ-прокурора. Митрополитъ Іоанникій съ неудовольствіемъ вынужденъ былъ уйти изъ Москвы въ Кіевъ; Никаноръ не былъ позванъ ни въ Москву, ни въ Петербургъ; страствовалъ по Востоку Порфирій Успенскій. Все гасилось. Таланты затаптывались, энергія сламливалась. И какъ ни обильна конечно „благодать“ въ православіи, но она противъ этихъ манипуляцій бюрократіи ничего не могла подѣлать, и церковь буквально не существовала, а влачилась...

Отъ „духовнаго царства“ можно сказать остались одни сапоги; а о завѣтахъ Евангелія предоставлялось каждому самому прочесть по маленькой книжкѣ въ бархатномъ переплетѣ. На землѣ установилось нѣчто, не имѣвшее никакого подобія ни съ духовнымъ царствомъ, ни съ Евангеліемъ. И кинулись всѣ, еще вѣровавшіе—въ секты и расколь, не вѣровавшіе—въ Дарвина, Бюхнера, Фохта и Маркса. И народъ русскій и интеллигенція русская религіозно осиротѣли“. (№ 11030).

Даже „ультра-консервативный“, „истинно - православный“ и близкій къ Синоду, „Колоколъ“ послѣ 17 октября разочаровался въ господствующихъ взаимоотношеніяхъ между церковью и государствомъ

„Лишая церковь тѣхъ преимуществъ, которыми она пользовалась въ качествѣ союзницы, а вѣрнѣе *пльнницы государства*, правительство не даетъ ей новыхъ преимуществъ, которыя заключаются въ полной свободѣ дѣйствій и независимости.

Отношенія между государствомъ и церковью были всегда ненормальны, но особенно ненормальны они стали теперь. Мы лучше всего охарактеризуемъ церковную политику правительства, сказавъ, что правительство въ одно и то же время и разрушаетъ и сохраняетъ свой пресловутый „союзъ“ съ православной церковью. Разрушаетъ оно союзъ съ цер-

ковью постольку, поскольку онъ невыгоденъ для теперешнихъ намѣреній правительства, поддерживаетъ же оно этотъ союзъ, насколько это выгодно государству, нужды же и потребности православной церкви совершенно въ расчетъ не принимаются“.

Тяжелая рука правительственного гнета еще сильнѣе скрывается на низшемъ духовенствѣ и жизни прихода. Священникъ въ своей дѣятельности связанъ „приказами, инструкціями, циркулярами, уставами, не оставляющими никакого мѣста для его самодѣятельности. Слѣдствіемъ этого бывають случаи, когда пасомые, преисполненные чувствомъ радости или скорби по поводу только что полученныхъ извѣстій о событіяхъ въ своемъ отечествѣ, рвутся въ храмъ Божій, чтобы излить здѣсь свою радость или скорбь, а духовенство не рѣшается открыть для нихъ двери храма и совершить богослуженіе безъ оффиціального на то приказа, почти всегда запаздывающаго.“ (Астрахан. Епарх. Вѣд. № 21, стр. 1042).

Яркой иллюстраціей этого „оффиціального“, „почти всегда запаздывающаго“, „приказа“ является событіе, имѣвшее не особенно давно мѣсто въ самомъ Петербургѣ, и по отношенію не къ простому сельскому пастырю, а къ одному изъ столичныхъ викаріевъ. Въ Казанскомъ соборѣ 5 ноября назначено было торжественное богослуженіе по просьбѣ уполномоченныхъ отъ приказчиковъ всѣхъ Петербургскихъ рынковъ, по случаю исполнившейся первой годовщины введенія воскреснаго отдыха въ Петербургѣ. О богослуженіи было заявлено духовному начальству (Митрополиту Антонію, отъ котораго и послѣдовало разрѣшеніе) и администраціи Казанскаго собора. О молебствіи были напечатаны объявленія въ газетахъ. *Было заявлено о немъ и въ 1-ый участокъ Казанской части.* Были приглашены два хора пѣвчихъ: митрополичій и Казанскаго собора. Но предъ началомъ молебствія полиція сообщила о немъ въ градоначальство съ указаніемъ на то, что оно можетъ имѣть характеръ демонстраціи, такъ какъ на площади собралось весьма значительное число приказчиковъ. Изъ градоначальства по этому поводу послѣдовало предписаніе объ отмѣнѣ молебна и былъ посланъ значительный нарядъ полиціи. Къ 2 часамъ пополудни на площади предъ соборомъ собралось около двухъ тысячъ че-

ловѣкъ, но никто изъ нихъ въ соборъ допущенъ не былъ. Уполномоченные отъ приказчиковъ ѣздили въ градоначальство просить о разрѣшеніи молебна, но успѣха не имѣли. Свое повѣствованіе „о прискорбномъ случаѣ съ молебномъ“ „Колоколь“ (№№ 240 — 241) заключаетъ такими словами: „Господи, въ православной столицѣ православнаго государства сколько нужно пройти жестокихъ мытарствъ, чтобы совершить неурочное молебствіе. Легко подумать, что мы живемъ не въ Петербургѣ, не въ Россіи, а въ какой-то дикой языческой странѣ“.

Такого рода „лишеніе духовенства права поступать въ своей дѣятельности по своему смыслу и совѣсти, не дожидаясь чиновничьихъ приказовъ, ведетъ иногда къ курьезамъ и несообразностямъ.

Напримѣръ, во время русско-японской войны, несмотря на многократныя пораженія и разгромы русской арміи и флота, въ церквахъ на многолѣтніи молебновъ священники и діаконы, не смѣя измѣнить печатную букву книжки молебна, громогласно возглашаютъ русское воинство побѣдоноснымъ, чѣмъ вызывали на устахъ богомольцевъ горькую улыбку ироніи. Еще: въ то время, когда уполномоченными Россіи и Японіи заключенъ былъ миръ и кровопролитіе прекратилось, когда у гражданъ Россіи вырвался вздохъ облегченія и чувство радости вызвало потребность возблагодарить Господа, пастыри церкви, какъ бы не желая считаться съ совершившимся фактомъ и съ настроеніемъ пасомыхъ, довольно долго еще совершали въ церквахъ моленія о дарованіи имъ побѣды въ якобы продолжающейся войнѣ, и это только потому, что не было своевременно получено приказа прекратить моленія“. (Астрах. Епарх. Вѣд. № 21, стр. 1093).

„Духовенство всегда старалось быть съ сильнымъ и за сильнымъ... И если такъ поступало правящее духовенство, то и низшее шло по тому же пути. Внесъ ли подать?—у меня первый вопросъ на исповѣди, говорилъ одинъ священникъ. И такимъ духомъ пропитана болѣе или менѣе вся дѣятельность духовенства, такъ что многимъ и пастырямъ иной характеръ дѣятельности представляется прямо еретическимъ. Что-то совсѣмъ не слышно о пастыряхъ, которые бы, не выходя изъ предѣловъ пастырской благопристойности, все же

дерзновенно предстательствовали бы за народъ предъ властію предержашею, чему такіе разительные примѣры оставили намъ древніе пастыри русской церкви. Теперь духовенство долбитъ народу все объ одномъ и томъ же. Долбитъ все объ обязанностяхъ, учить его рабски поклоняться всякому авторитету, никогда ни однимъ словомъ не упоминая народу объ его правахъ не только политическихъ, но и правахъ каждаго христіанина, какъ члена церкви и прихода... Что же удивляться тому, что народъ мало слушаетъ то, что проповѣдуется духовенствомъ. Вѣдь ему, народу, напередъ извѣстно, что священникомъ все будетъ сведено къ тому же: молчи, повинуйся, терпи!... Слушаетъ народъ рѣчь духовенства однимъ ухомъ и, не задерживая, выпускаетъ въ другое. У васъ всегда гдѣ сила, тамъ и правда; все обѣлите и такіе очки вставьте, что на что ни посмотри, хоть на мѣсяцъ нарождающійся, и тотъ прямымъ покажется.“ (Свящ. NN. Новгородск. Епарх. Вѣд. № 44, стр. 1323—1324).

Такъ пишетъ само духовенство въ лицѣ лучшихъ представителей своей среды, и, можетъ быть, мы услышали бы еще болѣе смѣлыя истины, еще болѣе горькія признанія, если бы не висѣлъ попрежнему Дамокловъ мечъ—цензурныхъ запрещеній, усмотрѣній начальствъ надъ всякою болѣе или менѣе откровенною мыслью руководимой имъ паствы. Не всегда спасаютъ и эти, такъ характерные и столь частые для писателей „духовнаго чина“, въ родѣ помѣщенныхъ подъ вышеприведенною выдержкою, инициалы NN. Въ „Русскомъ Дѣлѣ“ встрѣчаемъ слѣдующую замѣтку:

„Все чаще и чаще приходится встрѣчать въ свѣтской печати статьи о нуждахъ духовенства въ большинствѣ случаевъ подписанныя инициалами, псевдонимами. Видимо, люди, писавшіе ихъ, боятся подписать свою статью своимъ настоящимъ именемъ, по какимъ-либо основательнымъ причинамъ. Переходъ въ свѣтскую печать, при наличности духовной, самъ по себѣ говоритъ за то, что первая является для духовенства матерью болѣе желательною, чѣмъ своя мачеха; не отъ ней ли самой зависитъ поражающая сухость и мало-содержательность епархіальныхъ органовъ печати, въ которыхъ только и появляется то, что подходитъ подъ извѣстный масштабъ „все обстоитъ благополучно“? Духовенство просматриваетъ отдѣлъ оффиціальный, а для кого

печатается неофициальный, состоящий весь почти изъ перепечатокъ,—единому Богу извѣстно. И если бы выписка епархіальныхъ вѣдомостей была представлена доброму желанію, а не была бы обязательною, то можно съ увѣренностію сказать, что всѣ бы онѣ закрылись, а теперь влачатъ свое существованіе, благодаря обязательной подпискѣ. А между тѣмъ, кто, какъ не епархіальный органъ, имѣя къ своимъ услугамъ сотрудниковъ всей епархіи, могъ бы и долженъ бы быть выразителемъ нуждъ и надеждъ духовенства во всѣхъ отрасляхъ его дѣятельности?

Пора бы сказать: „полно пробавляться сантиментальными разсужденіями, которымъ никто почти, во главѣ съ авторами ихъ, не вѣрять, о пастырскомъ служеніи, надо поговорить о томъ, что выдвигаетъ дѣйствительная жизнь. Зачѣмъ прикрывать то, что слѣдуетъ обнажить?“ (№ 44, стр. 14—15).

Но видно еще долго придется ждать до того времени, когда авторы перестанутъ бояться, по словамъ той же замѣтки, епархіальныхъ вѣдомостей, „какъ сыскаго отдѣленія“, когда послѣднія открыто, безъ излишнихъ обиняковъ, заговорятъ о нуждахъ церковной жизни. „Церковно-общественная жизнь“ въ статьѣ: „Для чего существуютъ Епархіальныя Вѣдомости“? повѣствуетъ между прочимъ о томъ, какую неудачею окончились поцѣпки помѣщать въ Вѣдомостяхъ двухъ епархій замѣтки по волнующимъ духовенство вопросамъ. (№ 46, стр. 1521—1522). Редакція „Курскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ на этотъ счетъ болѣе откровенна: на первой страницѣ № 43—44 она „считаетъ своимъ долгомъ дать общій отвѣтъ нѣкоторымъ лицамъ, упрекающимъ редакцію за ненапечатаніе ихъ статей“, въ каковомъ между прочимъ „проситъ авторовъ имѣть въ виду, что на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей не могутъ быть помѣщаемы статьи, въ которыхъ высказываются сужденія, не согласованныя съ канонами церкви и дѣйствующими законоположеніями и постановленіями ея —или же стоящія въ противорѣчьи съ дѣйствительными, официально утвержденными, данными по обсуждаемому вопросу“.

Если принять во вниманіе, сколь многое можетъ быть подведено подъ эти „официально-подтвержденныя данныя“,—сюда, напр., подойдетъ и всякая резолюція Епархіальнаго Преосвященнаго,—то всякому писателю о современныхъ цер-

ковныхъ нуждахъ лучше ужъ заранѣе „положить храненіе устномъ своимъ“.

Кстати, по поводу этихъ резолюцій, этихъ официальныхъ подтвержденій данныхъ,—насколько онѣ имѣютъ цѣну не по своей юридической силѣ, а по своему нравственному значенію? Авторъ вышеприведенной замѣтки изъ „Русскаго Дѣла“ между прочимъ пишетъ: „Читая органы духовной печати, я чаще всего встрѣчаюсь съ резолюціями епархіальныхъ архіереевъ, которыми интересуюсь. Къ сожалѣнію, ихъ очень мало ободряющихъ, а все болѣе заставляющихъ сжиматься сердце при мысли: неужели все духовенство таково? Свѣтская печать извѣстнаго направленія съ особеннымъ наслажденіемъ вылавливаетъ, смакуетъ и разноситъ во всѣ концы Россіи подобныя перлы по отношенію къ духовенству. Не такъ давно одинъ архипастырь положилъ резолюцію, облетѣвшую всѣ газеты, по моему, позорящую духовенство—всей епархіи. Неужели все духовенство—всей епархіи!—брало при свадьбахъ водку и торговало ею? Наверно были единичные случаи, за которые можно было наказать виновныхъ, сдѣлать имъ внушеніе чрезъ указъ Консисторіи; вслѣдствіе же резолюціи, напечатанной въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, случаи эти стали общимъ зломъ, о которомъ повѣстили всѣмъ грамотнымъ. Другой архипастырь своею бесѣдою съ благочинными, тоже подхваченною всею печатью.., раскрылъ въ своей епархіи такія язвы, что нужно удивляться, какъ ихъ не замѣчали одинъ покойный, а другой здравствующій, преосвященные—его предшественники—іерархи выдающіеся и, казалось бы, заслуживающіе болѣе снисхожденія, ужъ если не уваженія и деликатности со стороны своего преемника. Прочитайте эту бесѣду и не найдете ни одной области церковной жизни въ той епархіи, которая не была бы запущена и не нуждалась въ исправленіи, духовенство распущено, неисправно и проч.“ „Свѣтъ“ тоже комментируетъ одну изъ архипастырскихъ резолюцій: Преосвященнаго Иннокентія Тамбовскаго на отказъ духовенства 2-го Козловскаго благочинническаго округа отдавать залъ Серафимовскаго духовнаго училища подъ митинги „союза русскихъ людей“: „бросить всему духовенству обвиненіе чуть не въ измѣнѣ, въ сопротивленіи Величеству, въ неправославіи, въ мелочничествѣ, скопидомствѣ, „плюшкинствѣ“...

Да справедливо ли это“?.. (№ 302). „И никто изъ духовенства не обмолвился въ защиту хотя бы однимъ словомъ! Одно изъ двухъ: или кругомъ виноваты, или противъ епископскихъ словъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ правильныхъ, возражать нельзя. Пока насколько извѣстно, у насъ догматъ непогрѣшимости еще не введенъ, а если они могутъ погрѣшать, то должны, по долгу справедливости, позволить указать имъ хотя изрѣдка на допускаемыя ими погрѣшности. Вездѣ обвиняемый имѣетъ право сказать слово въ свою защиту, неужели православное духовенство лишено этого права? Не можетъ быть! Оно проповѣдуетъ, что Господу угодноѣ всего—правда, отъ него требуютъ правды, ищутъ ея, добиваются ея, но въ данномъ случаѣ почему-то боятся пустить ее въ свѣтъ. Одинъ изъ знакомыхъ священниковъ по поводу этого пишетъ мнѣ: „одно говоримъ, видно, а другое дѣлаемъ, и думаемъ, что служимъ Христу. Да что и говорить, впрочемъ, объ этомъ: я увѣренъ, что явись онъ Всеблагій, съ Его вѣчными глаголами, сослалъ бы Его въ Соловки или Евфиміевскій Суздальскій монастырь „впредь до исправленія“. Это самый, говорятъ, лучший и обыкновенный способъ зажать ротъ, изъ котораго выходятъ слова правды“. (Русское Дѣло. № 44, стр. 14).

Но епископство не особенно желаетъ снизойти съ пьедестала своей непогрѣшимости. Уже въ первомъ своемъ „дѣяніи“ епископскій Синодъ столь обострилъ мысль о патріархѣ, что невольно закрадывается въ душу вопросъ: не потому ли это дѣяніе и не удостоилось утвержденія, что *въ немъ слишкомъ явно обнаружилась односторонняя тенденція высшей монашеской іерархіи?* Затѣмъ было образовано предсоборное присутствіе. Общество ожидало, что всѣ вопросы, поставленные для присутствія въ особой программѣ, разработаны будутъ съ одинаковымъ тщаніемъ и равнымъ интересомъ. Но скоро опредѣлилось, что присутствіе, составленное изъ профессоровъ, заранѣе опредѣлившихся въ извѣстномъ направленіи, да изъ привезенныхъ епископами своихъ подчиненныхъ, стало на тотъ же, намѣченный ранѣ Синодомъ, путь, главное—нуженъ патріархъ, съ особыми широкими правами, а прочее—дѣло второстепенной важности. Вотъ почему скоро и къ предсоборному присутствію церковное и свѣтское общество стало относиться недовѣрчиво, а съ нимъ

свою подозрительность перенесло и на будущій церковный соборъ,—этотъ соборъ присутствіемъ проектированъ въ такомъ видѣ, что поневолѣ возбуждаетъ мысль о томъ, что *онъ будетъ служить епископамъ, а не церкви.* („Свѣтъ“. № 301).

Желаніе „бѣлаго“—подначальнаго духовенства смягчить нѣсколько черезъчуръ ужь суровую опеку „чернаго“—властвующаго духовенства вызвало со стороны извѣстной части общества и печати нареканія на первое въ стремленіи къ „пресвитеріанству“. Сколь не далеко заходятъ защитники этого пресвитеріанства въ своихъ конечныхъ стремленіяхъ, объ этомъ свидѣтельствуеетъ замѣтка священника Ф. Поповича въ „Русскомъ Дѣлѣ“ (№ 46, стр. 16): „Думается намъ, что единичнымъ и робкимъ попыткамъ бѣлаго духовенства затронуть и нѣсколько освѣтить этотъ дѣйствительно наболѣвшій вопросъ придали несоотвѣтствующее значеніе.

Въ бѣломъ духовенствѣ не было, нѣтъ и, смѣю думать, не будетъ даже и мысли не только отвергать власть епископовъ, но даже посягать на малѣйшее ограниченіе этой канонической власти. Объ этомъ никто изъ бѣлаго духовенства не думаетъ.

Епископу принадлежитъ вся полнота власти въ церкви Христовой; такъ было, такъ и всегда должно быть.

Чего-же бѣлому духовенству хочется, и какія-такія притязанія духовенства получили очень громкое и очень несправедливое названіе: „борьба пресвитеріанства съ епископской властью?“

Духовенство бѣлое немногаго хочетъ. Хочетъ оно, чтобы епископы первые дали намъ „живой“ примѣръ дѣйствительно пастырскаго исполненія своихъ обязанностей, „живой“ образецъ выполненія обѣтовъ, данныхъ предъ Богомъ.

Мертвые, нѣмые циркуляры и всевозможныя предписанія—мертвыми и остаются; отсюда и упадокъ пастырства.

Развѣ такое желаніе преступно? Развѣ это борьба съ епископской властью?

Хочетъ духовенство, чтобы не изъ одностороннихъ донесеній епископы знали жизнь своихъ сотрудниковъ—пастырей и своихъ чадъ пасомыхъ; хочетъ, чтобы лучшіе изъ насъ, выбранные, а не назначенные ловкіе прислужники,

освѣдомляли епископа о назрѣвшихъ нуждахъ приходовъ и прихожанъ.

Развѣ это преступно?

Хочетъ оно, чтобы судили насъ не случайные карьеристы, какихъ не мало трется въ архіерейскихъ переднихъ, а судилъ бы насъ *епископъ*, освѣдомленный о дѣлѣ изъ доклада своего *выборнаго совѣта*. Это ли преступно? Вторженіе-ли это въ права епископа?

Наконецъ, хочеть оно болѣе внимательнаго болѣе человѣческаго отношенія къ себѣ со стороны своихъ пастырей—начальниковъ—епископовъ. Намъ тяжело, намъ больно, когда идешь къ епископу съ наболѣвшею душою, а тебя въ передней встрѣчаютъ вопросомъ: „что угодно?“ и не раздастся ни звука участія, ни слова утѣшенія оплеванному со всѣхъ сторонъ „нищему-пастырю“.

Приходится выслушивать, что мы въ селахъ живемъ генераль-губернаторами, въ роскоши, знать никого не знаемъ, а между тѣмъ, иногда эти генераль-губернаторы рады были бы все свое губернаторство отдать за ту переднюю, въ которой насъ принимаютъ.

Это ли борьба съ властію епископовъ?

А сколько радости, сколько бодрости духа доставляютъ намъ епископы „благостные“ при своихъ ревизіяхъ, если они участливо и сердечно отнесутся къ намъ; сколько искреннихъ благословеній шлютъ эти генераль-губернаторы своему епископу за одно ласковое слово, за человѣческое отношеніе!

Никогда бѣлое духовенство не дерзнетъ умалять власть епископовъ; имъ сугубая честь и сугубая власть, но съ злоупотребленіями епископской властью борьба дѣйствительно начинается; забитое, загнанное, безгласное духовенство просыпается, и борьба эта никакими репрессіями не утишится, доколѣ будетъ поводъ для такой борьбы“.

„Свѣтъ“ рисуетъ въ недалекомъ будущемъ наступленіе такой картины, если „олигархія епископовъ“ продолжится:

....„Еще немного времени и все выйдетъ все равно изъ повиновенія нынѣшней епископской власти, а еще немного времени и эта ослабѣвшая епископская власть будетъ брошена и государственной администраціей, какъ бесполезная и без-

властная сила. Синодъ и епископы останутся въ своихъ дворцахъ и въ своихъ каретахъ, украшенные орденами, начиная отъ „святаго“ Станислава, съ большими преданіями и претензіями, но слабые и немощные!“ (№ 288).

Занятія предсоборнаго присутствія во все время ихъ продолженія внушали очень мало довѣрія къ себѣ. „Давно уже на всѣ лады обсуждается будущая церковная реформа, много писали о ней и въ духовныхъ и свѣтскихъ газетахъ и журналахъ, — гдѣ вы читали хотя бы умѣренное прѣдѣтствіе тому ея направленію, какое намѣчено въ предсоборномъ присутствіи? Если перечтуть газеты „Колоколъ“... (Церковное Обновленіе. № 1, стр. 5). „Нотка унынія, разочарованія, недовольства звучитъ во всѣхъ статьяхъ, посвященныхъ „дѣяніямъ“ присутствія. Присутствіе представляетъ изъ себя уже слишкомъ замкнутую и самодовлѣющую величину, правда, съ внѣшней стороны солидно обставленную, но въ нравственномъ отношеніи совершенно оторванную отъ общества, отъ самой души церковно-общественнаго организма. Въ нѣдрахъ присутствія дѣлается много, — даже, можетъ быть, болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Уже теперь „дѣянія“ присутствія, вмѣстѣ съ докладами епархіальныхъ комиссій составляютъ, пять громадныхъ томовъ печатной бумаги. Можетъ быть, будетъ издано и еще нѣсколько томовъ. Но по чистой совѣсти можно сказать, что въ этихъ томахъ не видно всепроникающей любви христіанской, пламеннаго горѣнія „сердцецъ всеединства“. Всѣ это мнѣнія случайныхъ членовъ, искусственно подобранаго „большинства“, но не есть выраженіе коллективнаго голоса всей русской церкви, всего церковнаго тѣла. Оттого въ „дѣяніяхъ“ присутствія замѣчается какая-то безпочвенность, сухой формализмъ, не согрѣтый духомъ „нравственной солидарности“ съ общественно-церковными настроеніями. Правда, всю эту „нравственную солидарность“ присутствіе, повидимому, намѣрено восполнить внѣшней силой принудительности, словомъ поступить такъ же, какъ дѣло ведется въ сферѣ государственныхъ отношеній современной Россіи. Но не нужно забывать, что церковь и ея жизнь есть по преимуществу — среда нравственныхъ воздѣйствій“. (Церковно-Обществ. Жизнь № 46, стр. 1509—1510, 1216).

Разочаровавшись въ трудахъ предъ-соборнаго присут-

ствія, часть представителей духовной печати свои розовыя надежды посвящаетъ будущему собору, патриаршеству.

...„Кольнуло въ груди... Все еще *предъ* - соборное, все еще ордена, звѣзды, ленты, фраки, мантии, клобуки, протоколы, канцеляріи, вызовы, назначенія... Но мигъ и думы опять улетѣли впередъ, въ конецъ апрѣля, къ поздней Пасхи будущаго года, а сердце уже заглушаетъ вой вѣтра пасхальной пѣснию: „смерти празднуемъ умерщвление, а до разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало!“ Торжественный хоръ поющей церкви заглушаетъ архидуэтъ осени. Великій Всероссийскій Соборъ привѣтствуетъ весну новой жизни. Новое солнце свободное, любящее, радостное, восходитъ надъ Русью“. (Осенью. Думы. „Церковный Голосъ.“ № 44, стр. 1186—1187).

Другой авторъ съ меньшимъ пафосомъ и лирикою привѣтствуетъ будущаго патриарха:

...„И вспомнили люди съ тоской объ *орлѣ* (патриархѣ).

Имъ всѣмъ захотѣлось услышать орлиный,
Замолкнувшій голосъ на грѣшной землѣ.

И ждуть они: скоро-ль глашатай о небѣ

Покажется имъ на лазури небесъ,

И имъ, погруженнымъ въ заботы о хлѣбѣ,

Повѣдаетъ тайны великихъ чудесъ.

И синее небо, краскою сверкая,

Сочувственно вторить надеждѣ людской,—

Взлети же, орелъ, небеса разсѣкая,

Надъ многострадальной Русской землей!!!“

(Тамбовск. Епарх. Вѣдом. № 43, стр. 1922).

Мечты довольно розовыя, но все это только *мечты*, грезы поэта, подъ которыми нѣтъ никакихъ реальныхъ основаній. Бѣда, если на нихъ только и успокоимся. Оставимъ „синія небеса“ и вѣру въ „повѣданіе великихъ чудесъ“. Чудеса нужны великія, но будутъ ли и могутъ ли быть совершены онѣ,— наступитъ ли вмѣстѣ съ соборомъ и патриарствомъ поистинѣ „воскрешеніе“, — „иного житія начало“, „новое небо и новая земля“? (Церковное Обновленіе. № 1. стр. 1—3). „Общество ждало и хотѣло собора въ качествѣ „подвига Геркулеса“, коему царь Авгій, въ видѣ неисполнимой задачи, повелѣлъ „очистить свои конюшни“, никогда не чистившіяся съ тѣхъ незапамятныхъ временъ, когда впервые были поставлены сюда царскія лошади. Но Геркулесъ выломалъ

СТѢНЫ КОЮШНИ, направилъ сюда воды протекавшей мимо рѣки и этимъ неожиданнымъ способомъ исполнилъ „урокъ“ коварнаго царя“. (Страна. № 231). Думали многіе также и теперь, что будущія реформы придутъ какъ воды потопа, омоютъ всю грязь и нечисть, накопившуюся вѣками, — и разцвѣтетъ новая жизнь, краскою вѣчною сіяя. Но изъ тумана поэтическихъ неясностей будущаго, начинаютъ выступать все болѣе и болѣе зловѣщіе реальныя образы.

Будущій соборъ?—Онъ уже удостоился наименованія „не христіанскаго“. (В. В. Розановъ. Новое Время). Рѣчь синодальнаго оберъ-прокурора П. П. Извольскаго при возобновленіи занятій предсоборной комиссіи значительно разсѣяла розовую дымку мечтателей не въ мѣру о результатахъ будущаго собора. Его слова: „Вамъ (клиру) предстоитъ несомнѣнно напряженная, трудная работа, пусть же укрѣпляетъ всѣхъ сознаніе, что мы, *простые міряне, простые русскіе люди*, съ любовью и надеждой смотримъ на вашу творческій трудъ, отъ котораго мы ждемъ новаго великаго для нашей матери православной церкви, а съ ней и для государства Россійскаго“,—„Свѣтъ“ сопровождаетъ такимъ комментариемъ: „Тутъ коренное и даже грубое недоразумѣніе. Обращаясь къ предсоборному присутствію нельзя раздѣлять *клириковъ* отъ *мірянъ*. Тамъ одинаково и вмѣстѣ работаютъ тѣ и другіе... Слѣдовательно его „*мы простые міряне*“, „*простые русскіе люди*“, выражало только усвоенную Синодомъ точку зрѣнія, къ которой въ своей рѣчи присоединился и оберъ-прокуроръ, что на Всероссійскомъ соборѣ все рѣшаютъ одни епископы. Все рѣшить высшій клиръ. „*Простые же міряне*“ и „*простые русскіе люди*“ будутъ умиленно и сложа руки созерцать, что будутъ дѣлать старшіе, а затѣмъ, какъ покорныя овечки, воспримутъ трудъ, который положить основаніе въ русскомъ православіи отложенію клира отъ міра!..

Если бы помѣстный соборъ православной церкви имѣлъ въ виду только разъясненіе вопросовъ вѣроученія,—мы согласились бы, что это дѣло преимущественно епископовъ, какъ хранителей преемственной апостольской благодати. Но на соборѣ будутъ рѣшаться вопросы государственно-церковнаго строенія, касающіеся каждаго мірянина,... и думать, что „*простые міряне*“ и „*простые русскіе люди*“ будутъ какъ

простой кусокъ говядины только созерцать происходящее, — да это значить совершенно не понимать происходящаго нынѣ въ Россіи“... *Простые* міряне и *простые* русскіе люди вовсе не кусокъ говядины, а настоящіе православные, живые добрые христіане, сподобившіеся при крещеніи Духа Святого, желающіе жить въ церкви и съ церковью, быть вкупѣ съ духовенствомъ и подъ благословеніемъ епископовъ, но вовсе не хотятъ себѣ полковыхъ командировъ отъ православія или убивающихъ бѣлсе духовенство консисторскихъ порядковъ.

...Если предстоящій православный соборъ широко не захватитъ участіе въ немъ русскаго народа, а будетъ задаваться лишь вопросами удобствъ архіерейской власти и начальственной свободы оберъ-прокурорскихъ дѣйствій, — то насъ, кромѣ большой непріятности, ничего не ожидаетъ“.
(№ 290).

Дѣйствительно, давно уже извѣстно, что „изгойничество“ мірянъ составляетъ „Ахиллесову пятю“ нашей церкви. Въ „Московскомъ Еженедѣльникѣ“, напр., читаемъ: „Росту штундизма не мало способствуютъ и ненормальности строя нашей православно-церковной жизни. Нужно сознаться, что у насъ членъ православной церкви лишенъ права активно участвовать въ церковно-приходской жизни. Такъ называемыя попечительства у насъ, какъ извѣстно, являются мертворожденными дѣтищами консисторской бюрократіи. Сдавленные желѣзными тисками архіерейскаго усмотрѣнія и связанныя на каждомъ шагу разными указами и инструкціями, они лишены духа жива и внутренней свободы развитія. Высшей церковной власти всюду чувствуется опасность вмѣшательства мірянъ въ церковныя дѣла и особенно свободы обсужденія церковно-общественныхъ вопросовъ. Естественно, что такое положеніе вещей не удовлетворяетъ болѣе живыхъ и энергичныхъ членовъ православной церкви, и они часто бывають вынуждены искать приложенія своихъ силъ и способностей внѣ ограды православія. Правда, остается еще посѣщеніе храма. Но и здѣсь мірянинъ — случайный гость. Придетъ, отстоитъ положенное время, прослушаетъ непонятное для него пѣніе и бормотаніе дьячка и уходитъ домой. Въ штундизмѣ не то. Здѣсь *каждый дѣятельный членъ общины*, каждый участвуетъ въ избраніи „старшаго брата“

(пресвитера), активно участвует въ молитвенныхъ собраніяхъ, можетъ здѣсь сказать свое слово поученія и принимать участіе въ общемъ пѣніи всѣмъ понятныхъ и доступныхъ духовныхъ стиховъ“... (№ 33, стр. 36—37).

Но представители духовной власти не прилагаютъ никакихъ усилій къ тому, чтобы задѣлать эту давно уже образовавшуюся брешь въ обвѣтшавшей церковной оградѣ. Открытая дверь на поле духовной жизни и дѣла для „болѣе живыхъ и энергичныхъ членовъ“, очевидно, такъ и остается не задѣланною.

Вотъ какъ рисуетъ будущее участіе „простыхъ мірянъ“ въ дѣлахъ собора „Свѣтъ“: „въ каждомъ благочиніи соберется избирательный съѣздъ, состоящій изъ духовенства и церковныхъ старостъ съ представителями отъ прихожанъ—счетчиками свѣчныхъ суммъ. Для чего соберется? Для того только, чтобы избрать изъ своей среды одного духовнаго и одного прихожанина депутатомъ на какой-то невѣдомый прихожанамъ и далекій „соборъ“. Выберутъ,—но потомъ окажется, что депутаты никуда не попали: изъ нѣсколькихъ десятковъ выбранныхъ благочинническими съѣздами депутатовъ, епископъ утвердитъ двухъ—четырехъ, а остальные поѣдутъ домой. „Стоило отрываться отъ своего дѣла и ѣхать за двадцать-тридцать верстъ, чтобы попусту терять время на поповскія дѣла“,—таково будетъ впечатлѣніе прихожанъ отъ выборовъ. А о результатахъ самаго собора они узнаютъ развѣ потому, что ихъ пастыри еще больше будутъ бояться рѣдкаго наѣзда епископовъ, которые еще строже будутъ распекать причтъ при всемъ приходѣ... Возможны ли будутъ въ такихъ условіяхъ какія-либо плодотворныя преобразованія въ самомъ тѣлѣ церковномъ, намѣченныя хотя бы и предсоборнымъ присутствіемъ? Едва ли. Никогда еще чисто бюрократическія „реформы“, особенно въ живомъ церковномъ дѣлѣ, не способствовали разцвѣту новой жизни, на началахъ христіанской любви и свободы. Отрицательные же результаты такого бюрократически устроеннаго собора могутъ быть очень печальные, хотя бы въ цѣломъ градѣ „ананеевѣ“, о которыхъ мечтаютъ наиболѣе ретивые наши архипастыри.“ (№ 301).

Будущій патріархъ?—Но вотъ какъ рисуетъ положеніе дѣлъ въ центральной области высшаго управленія русской цер-

ковью и въ ея отношеніи къ государственной власти при этомъ „гордомъ орлѣ“ мистической мечты „Страна“: „При всей вѣшной перемѣнѣ декораций, существенныхъ улучшеній не видать. Въмѣсто оберъ-прокура главой Синода будетъ патриархъ. Это соотвѣтствуетъ юридическому и нравственному понятію церкви, но какого-либо новаго, живого, творческаго духа внести въ церковное управленіе не можетъ. Едва ли даже не наоборотъ, поскольку автономная іерархія всегда ultra - консервативна. Опираясь на матеріальную поддержку отъ государства, церковь по прежнему желаетъ быть въ тѣсной личной уніи съ монархомъ и „въ дѣлахъ политическихъ подчиняться и повиноваться государству“. Символически это подчиненіе и даже болѣе глубокое „повиновеніе“ церкви своему государю будетъ выражаться въ представленіи на его усмотрѣніе даже всѣхъ соборныхъ ея рѣшеній. Ясно, что церковь, опирающаяся на византійскіе каноны и свою исконную практику, не можетъ разорвать съ началами цезаропапизма.

Это пунктъ настолько существенный, что мы вправѣ заявить: коренной и глубокой церковной реформы, о какой мечтали наивные оптимисты даже изъ духовенства, нѣтъ и не будетъ.

И патриархъ будетъ такъ же усердно гнуть спину церковную предъ свѣтскою властью, какъ гнулъ ее оберъ - прокуроръ“. (№ 214).

Духовные оптимисты все ждуть чего-то совнѣ. Вина не въ насъ,—въ средѣ, общей обстановкѣ, общемъ зскрѣпощеніи,—вотъ наиболѣе ярко выразившійся голосъ современнаго папства даже идеальнаго.

„Одной изъ пріятныхъ иллюзій, убаюкивающихъ сознаніе г.г. церковниковъ“,—пишетъ г. Карташевъ,—„служить ходячая мысль, будто они слабы и безжизненны оттого, что ихъ угнетаетъ государство. Но лишь только имъ предлагаютъ порвать съ государствомъ, какъ они идутъ на попятную. Въ этомъ недоразумѣніи до сихъ поръ беззадежно вращается ихъ мысль и путается настроеніе. Имъ не хватаетъ не то смѣлости, не то еще чего-то для сознанія коренныхъ причинъ своей мертвенности, которыя лежатъ внутри самого православія, а никакъ не внѣ его. Ну развѣ не сплошное не-

доразумѣніе вотъ эти слова ортодоксальной синодальной газеты“ (Колокола):

„То, о чемъ такъ давно и страстно мечтаетъ православная Россія, что составляетъ всѣми признанную острую и наиболѣвшую ея нужду, чего такъ настойчиво добивались лучшіе представители православной церкви и литературы—церковно-общественное самоуправленіе—дано щедрой рукой отщепенцамъ православія, а сама православная церковь забыта и ея труды оставлены втунѣ“?

Не говоримъ уже о явно нелѣпомъ представленіи, будто внутренняя религіозная свобода диссидентовъ создана „щедротами“ Правительства. Но что это за фикція, будто, „православная Россія давно и страстно мечтаетъ о церковномъ самоуправленіи“? 'Если бы общинность составляла дѣйствительно „всѣми признанную, острую и наиболѣвшую нужду православія“, не было бы православіе той бюрократической Сахарой, какой оно является теперь. То правда, что лучшіе его сыны, Хомяковъ, Гиляровъ-Платоновъ, Соловьевъ, „бунтовали“ противъ этой печальной дѣйствительности. Но не вы ли, г.г. церковники, и опирающаяся на васъ іерархическая власть, обвиняли ихъ въ неправославіи и заставляли печатать ихъ богословскія сочиненія за предѣлами православной Россіи? Нѣтъ, вы никогда не хотѣли внутренней церковной свободы, вы занимались систематическимъ изведеніемъ всѣхъ православныхъ свободолюбцевъ. Вы и теперь подготовили, несмотря на критику этихъ „либераловъ“, истинно-православный соборъ съ рѣшающимъ голосомъ одной черной половины церкви. Вамъ дорого господство іерархіи, такъ несите же его безъ ропота. Будьте послѣдовательны и не завидуйте свободѣ тѣхъ, кто ее любитъ, самъ создаетъ и хранить. Если ты хочешь быть счастливымъ, то будь имъ,—гласить мудрая поговорка. То же примѣнимо и къ свободѣ. Никакая „щедрость“ государства не дастъ православію свободы, если оно само не захочетъ себя ею осчастливить“.

(№ 209).

Безспорно, что „русское пастырство“, взятое какъ типъ, совершенно не подготовлено къ быстрому перерожденію въ этомъ направленіи. „Психологически и исторически созданъ типъ современнаго іерея, безжизненнаго и безстрастнаго исполнителя повелѣній начальственныхъ, спокойнаго слу-

жителя интересамъ внѣшнимъ, покорнаго проводника въ сознаніе народа воли и желаній разныхъ властей. Давно уже угасъ въ немъ огонь ревности о дѣлѣ Божіемъ, испарилось негодование о грѣхѣхъ и преступленіяхъ, овладѣла имъ апатія къ общественной жизни съ ея скорбями и нуждами, овладѣло имъ, сковывая его какъ бы клещами желѣзными, радѣніе по преимуществу о собственныхъ интересахъ.“ (Церковно-Общественная Жизнь. № 46, стр. 1514). А вѣдь именно отъ этого, окончательно отлившагося, окоченѣвшаго типа и должно начаться оживленіе всего церковнаго организма. Общенароднаго голоса о смыслѣ и цѣли предстоящей церковной реформы еще не раздалось. *„Единственное, что за послѣднее время было ясно и точно выражено народомъ по церковному вопросу, это то, что народъ сознаетъ для себя необходимость имѣть пастырей добрыхъ“.* (Д. Х. „Соборное завершеніе и приходская основа церковнаго строя“. Москва. 1906). „Главнымъ двигателемъ, который можетъ воскресить и пробудить приходъ, при его новой организаціи, является *живой человекъ*, священникъ по призванію. У насъ есть старинная поговорка, заключающая въ себѣ много жизненной правды. Она гласитъ: *„каковъ попъ, таковъ приходъ“.* Такъ вотъ въ новомъ приходѣ обязательно долженъ быть и „новый“, одушевленный призваніемъ къ пастырскому дѣлу „попъ“. (Церковно-Обществен. Жизнь. № 45).

На особую помощь со стороны надѣяться не приходится. „Новое Время“ задается такимъ вопросомъ: *„Сумѣетъ ли духовенство почти одними своими силами справиться съ задачею чрезвычайно сложною, трудною и, при неумѣлости, даже рискованною. Захочетъ ли оно обновиться? Сумѣетъ ли? Мы сказали: „почти одними своими силами“.* Дѣйствительно все „церковное“, доведенное до послѣдней степени „официальности“, формализма и законности, до торжественныхъ словъ и жестовъ, подъ которыми часто не бывало никакого чувства, рѣшительно отбило охоту у всѣхъ русскихъ, у цѣлаго русскаго образованнаго общества заниматься этимъ дѣломъ „мишуры и пустоты“, шитыхъ серебромъ и золотомъ одежду и черной неправды суда и управленія, ни отъ кого не скрытой. Въ то время какъ каждый образованный католикъ и каждый просвѣщенный протестантъ, отъ профессора до комерсанта, интересуются и знаютъ дѣла своей церкви

„компетентны“ въ пониманіи этихъ дѣлъ, у насъ въ силу указанной причины всѣ перестали вникать въ церковныя дѣла и вопросы; и большое общество до такой степени потеряло даже самую возможность, силу и свѣдѣнія, чтобы судить—что не могло бы оказать ни малѣйшей помощи духовенству, если бы хоть началось разрушеніе церкви, приди реформація или „времена антихристовы“ по предсказанію Вл. Соловьева. Во всякой области можно дѣлать, имѣя чутье въ ней, да и запасъ нѣкоторыхъ предварительныхъ свѣдѣній. Кромѣ славянофиловъ, которые считаются единицами или десятками въ Россіи, такіе необходимѣйшіе „для реформы“ люди, необходимые для „да“ или „нѣтъ“, исчезли вовсе. Исчезли по великой винѣ самого духовенства, ревниво оберегавшаго не только свой исключительный „авторитетъ“ въ этой области, но и право исключительнаго „разговора“ здѣсь. Всѣ должны были молчать: не удивительно, что всѣ перестали и думать, а потомъ перестали и интересоваться. Не нужно скрывать этой печальной и роковой истины, что съ великою задачею церковнаго обновленія или, вѣрнѣе, оживленія, оживанія,—духовенство стоитъ предъ фронтомъ общества, насмѣшливаго къ нему, недовѣрчиваго къ нему и почти атеистическаго. При томъ,—что странно,—по винѣ именно его самого „духовной“ грубости и классоваго своекорыстія и самоинтереса“. (№ 11021).

Останавливается на этомъ печальномъ явленіи и „Вѣкъ“: „Церковное сознаніе наше давно уже откололось отъ свѣтскаго и пошло своимъ путемъ, удаляясь и загораживаясь отъ „лежащаго во злѣ“ міра и мірской культуры. Святые заперались въ монастырскія кельи или становились у ступеней трона. Но въ то время, какъ русская церковь, закрывъ глаза на вселенскія задачи христіанства, все глубже замыкалась въ мертвую идею невмѣшательства въ государственную политику и подъ влияніемъ этой идеи обращалось въ послушное орудіе бюрократіи, русская общественная жизнь, какъ вѣрное зеркало все развивающагося общественнаго сознанія, на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ текла мимо церкви и въ нѣкоторыхъ случаяхъ становилось даже въ явно враждебныя къ ней отношенія“. (№ 1) Особенно эти „явно враждебныя отношенія“ наступили теперь, послѣ

того какъ наше духовенство въ первое, истекшее время оказалось не на высотѣ своего призванія.

Если раньше Вѣстникъ Европы, празднуя свой двадцатипятилѣтній юбилей, могъ указать съ гордостію, что за 25 лѣтъ „службы обществу, просвѣщенію и наукъ“, онъ не допустилъ на свои страницы ни одной „духовной строчки ни отъ поповъ, ни о поповъ, то теперь рѣдкій газетный листъ не содержитъ хотя нѣсколько строкъ о церкви или до церкви относящихся“ (Новое Время. № 11021), рѣдкая книжка свѣтскаго ежемѣсячника не содержитъ повѣсти или разсказа, гдѣ бы не выступали „попы“, какъ злоба дня. И со всѣхъ сторонъ укоризны, злобные вопросы: Зачѣмъ молчали?—гдѣ Вы были? Что сдѣлали? Вниманіе далеко не радующее тѣхъ, на кого оно обращено. Злоба свѣтскихъ беллетристовъ къ „оплоту застоя и рабства“ (Страна. № 93) сказывается уже въ самыхъ именахъ и фамиліяхъ печальныхъ героевъ современной дѣйствительности: если герой— „Пастырь“ (Образованіе. 1906. Іюль, стр. 1—35), то ужъ обязательно—о. *Мздошценскій*, или что-нибудь вродѣ этого.

Въ этомъ разсказѣ („Пастырь“) одному изъ дѣйствующихъ лицъ, о. Александру, пріѣхавшему изъ тихаго угла своего прозябанія въ круговоротъ городской жизни пришлось „въ такую перепалку попасть“: „Вы что сдѣлали,—кричала учительница женской гимназіи, обращаясь къ о. Александру,—чтобы поднять нравственный уровень крестьянъ, просвѣтить, дать выбиться изъ нищеты? Вы, пастыри, носящіе высокое званіе духовниковъ народа?.. Наше духовенство всегда шло позади прогресса и тормозило его, оттого вы никогда и не пользовались популярностью. Вначалѣ вы боролись и задерживали движеніе науки впередъ, теперь мѣшаете освободительному движенію, потому что сознаете, что оно своимъ порывомъ уничтожитъ васъ... *Вы идете противъ всего новаго, честнаго, хорошаго; какъ грибы, вы живете плѣсенью, вы вносите кругомъ мракъ, чтобы вамъ удобнѣе было скрывать дѣла ваши, и стараетесь уничтожить, всѣхъ идущихъ противъ васъ.*“ (Стр. 7, 9—10).

И въ своемъ требованіи отъ „служителей правды“ вышаго подвига свѣтская печать не знаетъ никакихъ уступокъ, не допускаетъ никакихъ компромиссовъ. Обличали духовенство въ разгаръ освободительнаго движенія, обличаютъ и теперь,

не смотря на измѣнившійся (реакціонный) курсъ правительственной политики, который долженъ былъ, конечно, сказаться и на безъ того закрѣпощенномъ духовенствѣ. Представители свѣтской печати настойчиво лѣзутъ къ нему, стучатся въ двери его сердца съ самыми животрепещущими вопросами печальной переживаемой дѣйствительности. Вотъ, напр., передъ нами статья: „Бѣлый терроръ и церковь“, — читаемъ въ ней:

„Близокъ день. Разумъ народа законодательнымъ путемъ скоро стряхнетъ съ своихъ надломленныхъ плечъ бремя бюрократическаго всевластія.

Но зачѣмъ молчала, зачѣмъ молчить и теперь церковь?

...„Есть времена, есть цѣлые вѣка,

„Когда нѣтъ ничего желаннѣи,

„Прекраснѣе терноваго вѣнка...“

Тысячи благородныхъ, самоотверженныхъ людей знаютъ это и поступаютъ такъ.

Служителямъ ли христіанской церкви, христіанамъ ли остаться позади ихъ?

Съ какимъ великимъ ожиданіемъ, съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ тысячи духовныхъ чадъ церкви за весь этотъ годъ крови, слезъ, ужаса и безумія ждали услышать голосъ церковный; ждали, что голосъ этотъ, прозвучавъ любовно и грозно, скажетъ:— „довольно, вложите мечи ваши въ ножны и дайте народу хлѣбъ и свободу“....

Великое испытаніе было послано христіанамъ. Этотъ годъ могъ стать для нихъ годомъ побѣды и подвига, а онъ, увы, не сталъ ли для нихъ годомъ паденія? Когда-то тосковалъ поэтъ:

...„И теперь у двери гроба

„Сердце говорить:

„Что жъ молчить въ васъ, братья, злоба...

„Что жъ любовь молчить?“

Что жъ молчить любовь? Что молчить передъ дверями тысячи гробовъ христіанская любовь, высшее напряженіе которой должно быть въ церкви, высшей правдѣ и мужеству которой должны учить церковные пастыри?

Когда-то, на одной изъ своихъ публичныхъ лекцій покойный В. С. Соловьевъ говорилъ приблизительно слѣдующее: „если христіанская власть вступить на нехристіанскій путь то выйдемъ отъ нея, отречемся отъ нея“. (Страна № 220).

И выходъ этотъ почти уже совершился.

Выслушавъ разсказъ отъ своего пріятеля, о. Александра, объ обличеніяхъ „учительницы женской гимназіи“, о. Мздоищенскій гремитъ: „Всѣ они таковы, всѣ растлѣны умомъ и заражены бѣсовскою гордыней, и учителя, и писатели, и инженеры, и адвокаты,—словомъ, вся интеллигенція“. (Стр. 11).

И это безспорно такъ; открытыя двери церкви для выхода, все большее и большее опустѣніе ограды церковной, лучше всѣхъ видны и самому духовенству.

Что же оно предпринимаетъ съ своей стороны по поводу сыплющихся со всѣхъ сторонъ укоризнъ себѣ?

Одна часть пытается,—и обычно неудачно,—обличать „растлѣніе ума“ и „бѣсовскую гордыню“,—другая, лучшая, передовая, „прогрессивная“ пока больше собственноручно расписывается подъ всѣми этими укоризнами: такъ сказать: „читали и приняли къ свѣдѣнію, и сами каемся во грѣхахъ своихъ, признаемъ необходимость рекомендуемыхъ благихъ порывовъ, но совершить что-либо имъ согласное еще силъ не имѣемъ“: самобичеванія, самопоношенія въ духовной средѣ въ настоящее время достаточно.

„Когда насталь въ жизни Россіи великій политическій моментъ, заставившій всѣхъ, еще не окончательно порвавшихъ съ церковью, ждать отъ нея свѣтлыхъ подвиговъ любви и примиренія, искать ея авторитетнаго голоса, то изъ полузамкнутыхъ вѣковою печатью молчанія устъ нашей церкви раздались одни безстрастные призывы къ повиновенію, да послышался рыдающій звонъ бюрократическихъ цѣпей на ея рукахъ и ногахъ“,—съ такого горькаго признанія начинается свое дѣло новая религіозно-общественная газета „Вѣкъ“, органъ прогрессивной части С.-Петербургскаго духовенства.

А вотъ и еще образецъ пастырскаго самобичеванія, мытарскаго біенія въ грудь, съ болѣе конкретными указаніями язвъ своихъ, самообличенія „по пунктамъ“:

„Мы требуемъ уничтоженія бюрократическаго приказнаго строя духовнаго вѣдомства, мѣшающаго намъ работать на пользу пасомыхъ. Нѣтъ спору, что бюрократическіе приемы духовнаго вѣдомства кое-гдѣ даютъ себя чувствовать, но не всегда въ области пастырскаго воспитанія народа. И во вся-

комъ случаѣ есть цѣлая область такой работы духовенства, куда духовная бюрократія не имѣетъ прямого отношенія. Не всѣ пастырскія обязанности вкладываются въ рамки внѣшняго приказнаго строя.

Кто намъ, напримѣръ, до сего времени мѣшалъ проповѣдывать слово Божіе съ церковной кафедрѣ?

Кто мѣшалъ намъ до сего времени пользоваться этимъ средствомъ христіанскаго воспитанія прихода?

Приказная цензура? Вздоръ! Кто хотѣлъ—пользовался полною свободою проповѣди, не переступая тѣ грани, выходить за которыя непозволительно ни въ какой свободной странѣ, не исключая и свободолюбивой Франціи. Кто мѣшалъ намъ пользоваться исповѣдью — самымъ могучимъ средствомъ воспитанія души, сердца и воли народной?

Мы холодно, по обязанности исполняли этотъ долгъ, озабочивались увеличеніемъ платы за исповѣдь, нежели умноженіемъ овецъ, приводимыхъ „во дворъ овчій“. Кто мѣшалъ намъ пользоваться школой—естественной воспитательницею народа? Она была всецѣло въ нашихъ рукахъ, и кто хотѣлъ—душу полагалъ въ нее, дѣлая чудеса въ приходѣ. Но большинство отвернулось отъ нея. Трудъ безплатный... бюрократическій надзоръ... начальства много... Но укажите школу безъ надзора! Гдѣ она и куда будетъ годна? Какой же строй заставитъ нерадиваго раба нелѣпно дѣлать дѣло Божіе? Нѣтъ,—всего этого не дѣлали мы не потому, что насъ давилъ бюрократическій строй, а потому, что у насъ не было внутренней потребности работать, честно исполнить свой долгъ.

Мы требуемъ открытаго признанія за нами гражданскихъ и политическихъ правъ, чтобы совмѣстно съ народомъ добиться намѣченныхъ реформъ. Мы мужественно сейчасъ кричимъ о разныхъ нестроеніяхъ въ жизни народа и государства. Но давно ли мы набрались этого мужества? Почему же раньше мы не имѣли гражданскаго мужества указать кому слѣдуетъ ненормальныя стороны жизни и тѣмъ, быть можетъ, предотвратить страну отъ многихъ потрясеній? Да мы его не имѣли изъ опасенія, что приказный строй придавитъ насъ, а въ общемъ крикъ мы не такъ замѣтны! Но гражданское мужество тѣмъ и цѣнно, что оно запечатлѣвается самопожертвованіемъ. Мы же боялись пожертвовать своимъ по-

ложеніемъ за истину. Мы забыли высокій духъ самопожертвованія отечественныхъ пастырей, которые, не считаясь съ приказнымъ строемъ, шли на казнь за истину, своею кровію запечатлѣвая ее!... Мы протестовали противъ смертной казни взбуйтовавшихся матросовъ, противъ казни Шмидта, потому что это такъ своевременнолиберально и модно, но сколько дѣйствительно невинныхъ въ судахъ и въ тюрьмахъ до сего времени томилась и томятся, не слыша пастырскаго заступничества? Плохіе мы борцы за истину! Только на языкѣ проявляемъ мужество, а на дѣлѣ мы прежде всего люди положенія. Нѣтъ у насъ настоящаго христіанскаго мужества, не считающагося ни съ какими преградами для защиты истины...

Мы требуемъ выборнаго начала отъ верху до низу. Повидимому, что можно имѣть противъ этого начала, идущаго отъ первыхъ дней христіанства и освященнаго примѣромъ избранія апостола Матеія въ Іерусалимской горницѣ?... Но что осталось отъ этой идеи въ примѣненіи его на практикѣ? Исторія этого начала въ нашей отечественной церкви на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ говорить о многочисленныхъ злоупотребленіяхъ этимъ началомъ, свидѣтельствующихъ въ свою очередь о нашей духовной незрѣлости. Но пусть въ прошломъ мы были незрѣлы, о чемъ говорить намъ современность? Какъ пользовались мы этимъ началомъ даже въ послѣднее время, когда мы, повидимому, признаны и самимъ правительствомъ уже зрѣлыми и способными управлять дарованными намъ свободами? Даже въ той незначительной области пользованія выборнымъ началомъ, которая сохранилась, какъ слѣдъ болѣе широкаго пользованія имъ (выборъ, напр., депутатовъ и др.), мы обратили это начало въ ни что иное, какъ въ игру страстей. Мы пользовались имъ для какихъ угодно цѣлей: и для проведенія самихъ себя, и для мести недругу, и для одолженія другу, но никакъ не для служенія общему благу. Во время прошлогоднихъ выборовъ въ Государственную Думу, вмѣсто сплоченности, единенія, вмѣсто строгаго обсужденія, куда и кого мы должны изъ своей среды выбирать, мы топтали другъ друга, желая провести самого себя безо всякаго соображенія: на что мы пригодны, топтали некрасиво и на глазахъ представителей другихъ сословій, вызывая со стороны послѣднихъ самыя ядовитыя сараказмы по адресу духовенства....

Мы требуемъ уничтоженія наградъ, но... при условіи предоставленія всѣмъ священникамъ, по принятіи сана, носить камилавку... Но вѣдь, уничтожая награды, мы уничтожаемъ лишь одинъ изъ поводовъ къ дурнымъ чувствамъ, а чувства эти все же остаются за нами? Почему бы намъ не заняться борьбою съ этими низменными чувствами, такъ же свойственными лицамъ священнаго сана? И тогда вопросъ о наградахъ насъ столько не занималъ бы....

Вотъ наши требованія и наши программы. Что-же? Обвиняя во всемъ старый строй, предъявляя свои требованія яко бы къ обновленію жизни, мы хотя бы единымъ словомъ обмолвились о томъ, что часть вины лежитъ и на насъ самихъ, что и мы сами далеко не совершенство, что для возрожденія жизни народа прежде всего необходимѣе возродиться самому духовенству, какъ вождямъ народа!

Мы сейчасъ указали на требованія духовенства, но есть требованія, предъявляемыя къ самому духовенству—требованія народа и жизни; не считается съ ними нельзя, ибо они голосъ народа. Намъ приходилось быть на многочисленныхъ собраніяхъ или митингахъ... Выступали и говорили ораторы всѣхъ сословій.., говорили о разныхъ дефектахъ и нуждахъ народной жизни. Въ числѣ наболѣвшихъ вопросовъ не послѣднее мѣсто заняло сужденіе народа о духовенствѣ. Нѣкоторые ораторы, исключительно изъ простого народа, вопросу о духовенствѣ придавали такое важное значеніе, что, какъ оказалось, они и въ собранія являлись съ уполномочіями отъ общества говорить специально только на эту тему. Особенное вниманіе обратилъ на себя видный представитель деревни—старшина, житель богатаго села, гдѣ отъ 7 до 8 священниковъ. По его завѣренію, духовенство неучительно: пѣля десятилѣтія духовенство читаетъ по печатаннымъ, уже потрепаннымъ книгамъ одни и тѣ же поученія... Прихожане уже наизусть знаютъ эти проповѣди, а они все ихъ повторяютъ; духовенство не ходитъ въ школу..., духовенство тяжело на подъемъ..., бываютъ случаи смерти больныхъ безъ напутствія священниковъ..., духовенство спѣшно, не благолѣпно совершаетъ богослуженіе, такъ что, какъ выразился ораторъ, „приходится отвращаться отъ храма“. Это болѣе сдержанный отзывъ; другіе выступали съ резолюціями сельскихъ сходовъ о духовенствѣ, въ коихъ излагались болѣе

тяжелыя обвиненія противъ духовенства. Тяжело было слушать присутствовавшему духовенству судъ народный надъ собою, пытались возражать, но слово не вязалось на языкѣ, такъ много правды было сказано!

Такія требованія съ несомнѣнностію говорятъ, что даже простой народъ переросъ тѣ формы религіознаго отправления, въ которыхъ до сего времени выливалось служеніе духовенства, и переросъ настолько, что является открытымъ порицателемъ косности духовенства. Несомнѣнно, что эти требованія народа должны также лечь въ основу духовныхъ реформъ.

Наконецъ, сопоставляя эти, повидимому, скромныя требованія народа съ требованіями, идущими „сверху“, не можемъ не придти къ одному и тому же заключенію, что прежде всего мы нуждаемся въ воссозданіи въ жизни народной истинно христіанскаго духа путемъ развитія и воспитанія духовныхъ силъ человѣка и въ этомъ нуждаемся гораздо въ большей мѣрѣ, нежели въ обновленіи, правда, обветшавшихъ и требующихъ перемѣнъ, но все же не составляющаго главнаго „въ законѣ“, формъ церковнаго управленія: ибо повторяемъ—жизнь церковная не закипитъ оттого, если будутъ измѣнены способы назначенія іерарховъ и въ приходскихъ дѣлахъ примутъ участіе и міряне. А чтобы отвѣчать требованіямъ духовнаго возрожденія страны, духовенство должно взять на себя мужество пересмотрѣть свое „я“,—насколько оно отвѣчаетъ въ настоящемъ своемъ видѣ повышеннымъ требованіямъ времени и историческому моменту и съ этого начать дѣло служенія народу и церкви. Обновляя самихъ себя путемъ самопознанія, совершенствуя свое „я“, какъ часть цѣлаго, и тѣмъ способствуя духовному оздоровленію цѣлаго „я“, духовенство, и какъ граждане, и какъ вожди народные, тѣмъ самымъ полагало бы прочное начало и основаніе къ предстоящей работѣ нашего общаго возрожденія. Безъ этого условія нельзя ожидать обновленія нашей жизни, нельзя ожидать, чтобы даже гениальные люди, поставленные во главѣ народнаго представительства, путемъ даже блестящихъ реформъ, магически сдѣлали насъ духовно лучшими.

Повторяемъ снова: гражданскія и духовныя реформы, касаясь лишь внѣшней стороны, безспорно могутъ дать луч-

шія условія для нашего самоусовершенствованія, но сами по себѣ не подвинуть насъ впередъ, если только мы въ сознаніи своего несовершенства, одновременно съ полученіемъ новыхъ формъ жизни, не станемъ постепенно обновлять себя внутренно, перерождаться въ новаго человѣка. Какъ новый костюмъ, давая внѣшнюю красоту, не увеличиваетъ внутренней красоты, такъ и новыя формы жизни ничего не дадутъ для нашего „я“; онѣ пройдутъ мимо насъ. Сейчасъ мы видимъ бюрократію, а тогда кого? Доселѣ мы занимались самооплеваніемъ, теперь, время заняться самоисправленіемъ. Общее сожалѣніе — нѣтъ честныхъ людей. Займемся же мы реформой нашего „я“. Ибо никакіе „соборы и думы“ не приблизятъ насъ къ конечной цѣли земного существованія, хотя-бы въ этихъ учрежденіяхъ работали тысячи геніевъ-реформаторовъ, если мы въ основу жизни не будемъ полагать заповѣди единого Реформатора жизни—самого Христа: „будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“. (Воронежск. Епарх. Вѣд.).

Горьки признанія духовнаго автора этой статьи, изъ которыхъ мы привели только часть, и мало чего можно сказать противъ нихъ, не кривя совѣстію, но горечь ихъ можетъ умалиться отъ сознанія, что раскаяніе въ прежней винѣ есть начало исправленія. Авторъ и этой статьи не идетъ далѣе призыва къ общему совершенству, отказываясь указать болѣе наглядные примѣры съ чего оно должно начаться. Но понемногу, частично, оно уже начинается. Минувшія событія произвели строгій экзамень духовенству, показали всю его неподготовленность, вскрыли вѣковыя сословныя язвы, но и они же всколыхнули его, заставили отряхнуть отъ многолѣтней дремоты. Духовенство пробуждается,—гдѣ и какъ?—объ этомъ въ слѣдующей книгѣ.

М. Б.
